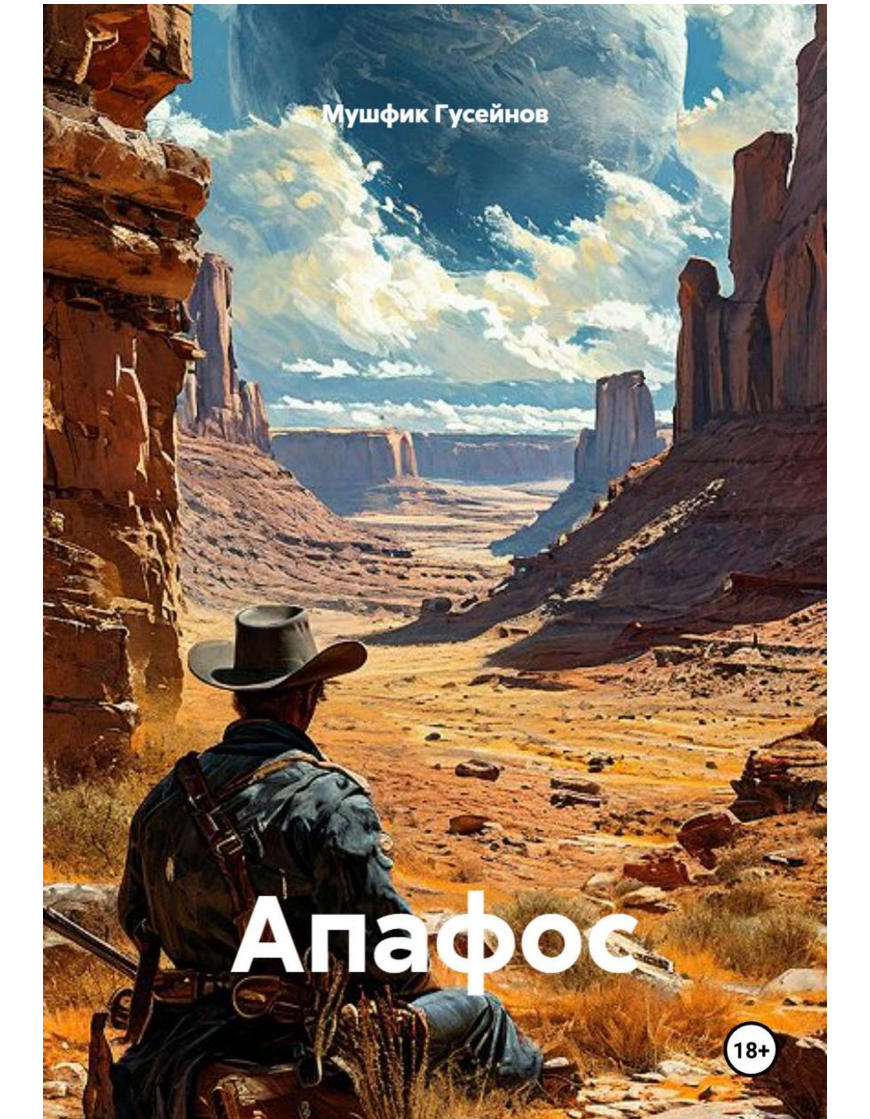

A detailed oil painting of a Western landscape. In the foreground, a cowboy wearing a dark hat and a blue jacket is seen from behind, sitting on a rocky ledge. He has a rifle slung over his shoulder and a canteen in his belt. The landscape is a vast, arid desert canyon with towering red rock formations and mesas in the distance. The sky is filled with large, billowing white and yellow clouds against a deep blue background. The overall style is reminiscent of classic Western art.

Мушфик Гусейнов

Апафос

18+

Мушфик Гусейнов

Апафос

<https://litres.ru/74243154>

SelfPub; 2026

Аннотация

Решением мирового судьи успешному писателю официально запрещено заниматься творчеством под угрозой тюрьмы. Чтобы не сойти с ума в пустой квартире, он спасается воспоминаниями о своих старых романах. Но когда в его мыслях рождается идея нового, гениального сюжета, удержаться становится невозможно.

Содержание

Предисловие	4
Глава 1	6
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Мушфик Гусейнов

Апафос

Предисловие

Почтенный сударь,

Сегодня я пишу это письмо, ибо до меня дошли слухи о вашем благородии. Молвят всякие, будто в вас так и не угасло желание сочинять. Сочинять великие истории о великом павшем Риме, о великих государствах, о великих героях и о великом проклятии людском.

Надеюсь, горько надеюсь, что вы ещё помните о решении мирового судьи, коим вам было запрещено заниматься писательской деятельностью. Я, конечно, понимаю вас и ваше желание подчинить мышление труду. Понимаю, что писательское ремесло — это ваш хлеб и что только этим вы умеете заниматься лучше всех. С этим я спорить не стану. В данном деле вы идете наравне с великими — такими как Достоевский, Булгаков и Иоганн Вольфганг фон Гёте.

Но я прошу вас, не забывайтесь! Вам не стоит нарушать законное решение суда. Я понимаю, как сложно вам совладать с самим собой. Понимаю, что запретить вам делать то, что вы любите и умеете лучше всех — всё равно что запретить вам жить. Но прошу вас, одумайтесь!

Ваш хороший друг,
Алексей Панайотов.

Глава 1

Пустынная тропа и яростная песчаная буря — вот и всё, что осталось в этом мире. Сквозь глухую завесу пыли медленно брел конь, унося на спине темный, неподвижный силуэт. Вслед за конем по камням и иссохшей земле с тяжелым, глухим стуком волочилось нечто деревянное. Длинный шестигранный короб, сужающийся к низу, то и дело бился о валуны, оставляя на песчаной дороге глубокую борозду. Сквозь свист ветра доносился жуткий, ритмичный стук древесины, словно кто-то настойчиво стучал в закрытую дверь. Конь и его безмолвный всадник уходили всё дальше в глубь мертвой пустыни, утягивая за собой этот странный, продолговатый ящик, будто приготовленный для кого-то, кто навсегда обрел покой.

Пока конь упрямо пробивался вперед, темный силуэт в седле оставался совершенно неподвижен. Он не дышал, не шевелился, и лишь мерное покачивание лошадиного крупа заставляло безжизненное тело безвольно качаться в такт шагам. Они шли так долго, что время потеряло счет: миновали дни, сменились месяцы, а быть может, пролетели целые годы. Куда держал свой путь этот безмолвный путник и что влекло его за собой — не узнает уже никто и никогда. Одно было очевидно: жара стояла неумолимая. Пекло было настолько беспощадным, что любой другой на месте этого

странника давно бы погиб в столь дальнем и изнурительном пути. Но силуэт оставался недвижимым на протяжении всего странствия. Он двигался вперед, не зная отдыха, не сделав ни единого глотка воды и не прикоснувшись к пище, словно земные законы голода и жажды были над ним не властны.

И вот, в один из бесчисленных дней, это бесконечное безмолвие наконец прервалось. Шестигранный короб издал новый, пугающий звук. Разумеется, и прежде древесина глухо билась о камни, но теперь стук донесся изнутри — отчетливый, дробный, словно кто-то требовал свободы. Однако силуэт в седле никак не отреагировал на этот призыв. Он либо упрямо игнорировал происходящее, либо просто физически уже не мог повернуться назад. Новые звуки жутко перемешивались с глухим стуком лошадиных копыт и непрерывным грохотом самого короба, бьющегося о камни. И вот опять — удар. Затем ещё два, три... Логика пустыни рушилась: кто-то живой, запертый в этом деревянном плену, отчаянно и яростно пытался вырваться из своего заключения.

Звуки становились всё громче, неистовее, и вдруг, в один из самых мощных ударов, конь резко, как вкопанный, остановился. В ту же секунду стук внутри короба прекратился. Силуэт в седле окончательно застыл: теперь, когда исчезла дорожная тряска, не оставалось сомнений — это была лишь безжизненная статуя. Всадник немо смотрел вперёд, в самое пекло бушующей пустыни. Лошадь под ним тоже замерла, будто в одно мгновение превратилась в камень.

Всё вокруг погрузилось в жуткое, неестественное оцепенение. То же произошло и со звуками вокруг: в одно мгновение даже сама пустыня заставила себя молчать. Исчез свист ветра, улегся гул песчаной бури. Воцарилась мертвая, звенящая тишина, в которой весь мир словно затаил дыхание перед чем-то неизбежным. Так воцарилось великое безмолвие. Неизвестно, сколько бы еще оно продлилось, если бы деревянный шестигранник наконец не раскрылся. Тот, кто был заперт внутри, ценой невероятных усилий сумел сдвинуть крышку. Сначала она медленно, со зловещим скрежетом поползла в сторону, а затем и вовсе с грохотом упала на землю. Из темного нутра короба показались грязные, израненные руки. Судорожно уцепившись за левый и правый края гроба, они потянули тело вверх — и над деревянными бортами явилась голова. Это была голова живого человека. Окруженная копной волос, темных, как сама ночь, она наконец предстала перед этим безжалостным миром. Медленно, дюйм за дюймом, незнакомец поднимался всё выше, пока из темноты гроба полностью не показалось лицо. Лицо человека, который только что вернулся с того света. Наперекор мертвой пустыне, застывшему коню и безмолвному всаднику, в этом шестигранном ящике только что пробудилась настоящая, безудержная жизнь. Боль и страх исказили это лицо. Оглядевшись, оживший пленник увидел лишь звенящую тишину, которую сам же только что разрушил, и тёмный силуэт на коне, словно навеки застывший во времени. Всадник

и вправду оставался совершенно неподвижен. Он всё так же безмолвно замер в седле, упрямо устремив свой невидимый взор в бесконечную даль мёртвой пустыни.

Пленник совершенно не понимал, что здесь происходит. Хуже того — он не помнил, кто он сам, как здесь оказался и что должен делать. Кем был этот жуткий, застывший впереди странник? Почему его самого, словно покойника, заколотили в короб и тащили сквозь пекло в неведомую даль? Вопросы безответно бились в его голове, и первобытный, липкий страх окончательно сковал его разум. Боясь издать хоть единый звук, он застыл в нерешительности, но оставаться в деревянной могиле было невыносимо. Пленник начал медленно подниматься, распрямляя затекшее тело. Когда же он наконец выпрямился во весь рост, то попытался сделать первый шаг на бескрайнюю пустынную гладь. Однако ослабевшие ноги тут же подкосились. Потеряв равновесие, он беспомощно рухнул ничком на раскаленную землю, не в силах сопротивляться земному притяжению. Упав, он сильно обжёг лицо о раскалённую пустынную дорогу. Телом мгновенно овладел дикий, панический ужас: что теперь предпримет этот тёмный силуэт?

Незнакомец резко устремил испуганный взгляд вверх, на своего безмолвного конвоира. Но странник даже не шевельнулся. Он всё так же неподвижно возвышался в седле, будто падение пленника его совершенно не касалось. Всё происходящее казалось ему зловещим сном. Вопросы о собственной

личности мучили его, но задавать их вслух было смертельно опасно — сама атмосфера этого места дышала угрозой и тайной. Прильнув к раскаленной земле, пленник присмотрелся и с ужасом осознал: странник в седле вообще не дышит. Его грудная клетка не вздымалась. Более того, конь все это время стоял неподвижно всего на трех подковах. Одна из передних ног скакуна была приподнята и замерла в воздухе, застыв в незавершенном шаге, словно время оборвалось прямо на полуслове.

Что ещё оставалось пленнику, кроме как бежать? Бежать как можно дальше от всего этого безумия. В ту же секунду он сорвался с места. Пленник бежал в противоположную сторону, прочь от всадника, надеясь спастись.. Бежал без оглядки, куда глаза глядят, поминутно оборачиваясь в диком страхе, что мёртвый всадник вот-вот оживёт, вскинется и бросится в погоню. Сама эта мысль пугала его до чёртиков. Задышавшись, спотыкаясь, он пробирался сквозь удушливое марево. Пот катился с него градом, создавая иллюзию проливного дождя, но какого ливня можно было ждать в этом иссушённом засухой аду? Всё ещё оглядываясь на ходу, беглец заметил, что тёмный силуэт остался недвижимым. А может, это лишь мираж? Он ушёл уже так далеко, что от фигуры странника на застывшем коне почти ничего не осталось — лишь крошечная точка на горизонте. И тут его обожгла внезапная мысль: а вдруг он бежал зря? Что, если ему вовсе не следовало уходить? Прочь эти мысли! Главное — выбраться

из этого ада. Он ещё раз бросил отчаянный взгляд туда, где только что стоял странник или его мираж, но там уже было пусто. Фигура исчезла, оставив после себя лишь безликое марево. Беглец замер. Ужасно уставший, насквозь промокший от пота, он внезапно осознал, что совершенно не знает, куда идти. Вокруг, до самого горизонта, простиралась лишь немая, равнодушная пустыня. На сотни верст вперёд не было ни дорог, ни ориентиров — он остался один на один с пустотой. Он понимал, что вряд ли выберется отсюда живым, но всё же решил упрямо идти вперёд. Теплилась призрачная надежда отыскать хоть какие-то ориентиры, за которые можно зацепиться, чтобы спастись. И он пошёл дальше, в самую глубь бескрайних песков. Человек шёл без остановки день и ночь, лишь изредка позволяя себе короткую передышку. К третьему дню, окончательно измотанный и обессиленный, он мог думать лишь о невыносимой жажде и голоде. Иногда в сознании всплывали смутные вопросы о собственной личности, но даже мысли о загадочном всаднике давно утонули в пучине чёрного отчаяния.

Силы окончательно покинули его, и он рухнул на песок. Больше не было желания бороться, исчезли последние крупицы воли. Ему уже ничего не хотелось. Лежа в раскаленной пыли, он думал лишь о неизбежном конце, разрываясь между глухой жаждой смерти и первобытным, леденящим страхом сгинуть без вести в этом проклятом месте. И пусть он по-прежнему не помнил своего имени, ему всё равно было

до слез жаль себя. Жаль погибать вот так, в безвестности. Что, если где-то там, в оставленном мире, у него есть близкие? Кто-то, кто любит его, ждёт и отчаянно ищет? Вдруг он вовсе не одинок во вселенной? Но даже если и одинок — он точно не желал себе подобной доли. Ни один здравомыслящий человек на свете не пожелал бы себе такой страшной и безмолвной кончины.

И всё же, повинаясь какому-то слепому, животному упрямству, он поднялся. Встав из последних сил, преодолевая боль, человек двинулся дальше. Пройдя огромный путь в полубессознательном бреду, он внезапно споткнулся и замер, не веря собственным глазам. Жёлтые, иссушенные зноем тexasские пески внезапно оборвались. Перед ним, насколько хватало глаз, расстилались ослепительно-белые дюны, похожие на волны из нетающего снега или соли. Кое-где из сухой серой земли справа пробивались редкие пучки жёсткой травы, а над головой нависло тяжёлое, предгрозовое небо. Но поразило его не это. На вершине одного из белоснежных барханов, чётко выделяясь на фоне синих туч, неподвижно стоял силуэт человека. В ту же секунду измученное сердце пленника забилось чаще. Дикая, безумная радость затопила его сознание, вытесняя первобытный страх. Он был не один! Живой человек посреди этого безжизненного ада означал спасение. Забыв о жажде, голоде и сожжённом лице, беглец обрёл второе дыхание и из последних сил устремился вперёд, навстречу этой призрачной фигуре. Он

бежал, с каждым шагом заставляя своё измученное тело двигаться всё быстрее и быстрее. Ослепительный свет нещадно обжигал глаза, но беглец упрямо смотрел только вперёд. Его сковал панический страх: стоило хоть на секунду моргнуть или отвести взгляд — и человек на холме мог бесследно исчезнуть, растаять как призрачное марево. Не смея смотреть по сторонам, он пристально, до рези в веках, впился в эту одну-единственную тёмную точку.

Но стоило ему подойти ближе, как скорость его шагов сразу же уменьшилась. Безумную радость мгновенно вытеснил леденящий ужас. «Как же такое возможно? Я не верю... — пронеслось в его воспалённом мозгу. — Не может этого быть, отсюда нет выхода!» Ему отчаянно хотелось разрыдаться, однако слёз в теле давно не осталось, а те редкие капли, что ещё подступали к векам, моментально высыхали от безжалостной жары. Он до последнего не верил своим глазам.

Когда же он приблизился вплотную к тёмному силуэту, ноги окончательно отказали ему. Беглец рухнул на колени. Его искажённое мукой лицо замерло в безмолвном рыдании, и вдруг из самой глубины израненной души вырвался дикий, нечеловеческий крик, огласивший всю пустыню. Полностью иссушённый зноем, раздавленный правдой, он стоял на коленях у ног того самого застывшего всадника. Стоял он теперь уже лицом к лицу. И в этот миг ему стало очевидно то, от чего кровь застывала в жилах. Тёмный силуэт всё это время

неподвижно возвышался в седле, устремив свой замерший, мёртвый взгляд именно в эту точку горизонта. Всадник не шелохнулся и не повернул головы — он изначально всматривался в ту самую сторону, откуда теперь, задыхаясь от бега, пришёл пленник.

И молвил бедолага из своего иссушённого, сожжённого зноем горла, едва сдерживая хрип:— Скажи, прошу... Кто ты и чего хочешь от меня? Кто я... и что я здесь забыл.

Всадник впервые за долгое время двинулся. Медленно, мертвенно странник опустил голову, направляя свой невидимый взор на пленника. Несчастный взгляделся в его облик и похолодел: под капюшоном не было лица — лишь сплошная, непроглядная тень. Но откуда взяться густой тени, если солнце в зените палило так ярко?

Всадник, словно нехотя, шевельнул рукой и достал откуда-то револьвер. Он резко швырнул оружие в сторону беглеца, и тот чудом перехватил его на лету. Осмотрев тяжёлую стальную пушку, пленник поднял на всадника лицо, уже ставшее от усталости каменной маской. В этот миг он увидел, что странник указывает пальцем прямо на него, а затем медленно переводит руку, указывая вглубь бескрайней пустыни.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.